

Н. А. Мининков

«ИСТОРИЯ ИСТОРИКА»
В КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ
О. М. МЕДУШЕВСКОЙ

Идея когнитивной истории О.М. Медушевской продолжает и развивает традиции выдающихся образцов европейской исторической мысли XX в. – школы Анналов и интеллектуальной истории. Она содержит ответ на новый вызов исторической науке со стороны культуры постмодернизма, имеет междисциплинарный характер и открыта к диалогу с естествознанием. Когнитивная история, или история мышления, в качестве одного из своих направлений рассматривает мышление историка, что составляет важную часть его интеллектуальной биографии и личного образа.

Ключевые слова: когнитивная история, интеллектуальная история, интеллектуальный продукт, история идей.

Как крупное и исключительно значимое явление европейской гуманитарной, исторической, философской и методологической мысли, монография О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории»¹ вызвала значительный интерес. Она получила высокую оценку историков, которая явилась результатом общего анализа характерных ее особенностей. Отмечалась при этом ее связь с развитием исторической науки нового и новейшего времени, а также указывалось на перспективы внедрения теории и методологии когнитивной истории в познание истории и культуры человечества.

Вместе с тем необходимо дальнейшее осмысление содержащихся в монографии философских и теоретических идей и методологических положений. И в этой связи, так или иначе, неизбежна постановка вопроса о месте в рамках когнитивной истории не только объекта исторического познания, но и его субъекта, которым является историк и который сам по себе является феноменом культуры своего времени. Это не случайно. Вызвано это, во-первых, тем, что историческая наука как разновидность творческой деятельности зависит не только от некоторых объективных обстоятельств, определявшихся развитием культуры и самой исторической науки. Зависит оно едва ли в меньшей степени от интеллектуальных и исследовательских качеств самого историка, от особенностей его личности и истории ее формирования, от самой «Истории историка».

---

¹ Медушевская. 2008.

Во-вторых, тем, что в свете одного из наиболее крупных направлений мировой культуры прошлого века, постмодернизма, представление о творческой и даже вообще о самостоятельной роли историка в познании прошлого человечества и его культуры ставилось под сомнение. Вызвано это было взглядами на текст как на продукт культуры², который создавался под воздействием сложившегося ранее образца, когда в новом произведении наглядно проявляются черты прошлого текста, признанного в качестве интертекста. В таком случае также и не в меньшей степени ставилась под сомнение такая категория традиционной культуры как автор, поскольку характерное для нее творческое начало или снималось вовсе, или ограничивалось воспроизведением интертекста применительно к иной культурно-исторической ситуации, чем в интертексте, или же формированием нового текста за счет созданных в прежней культуре блоков, с опорой на технику мозаики, или бриколажа³. На место категории «автор» ставилась категория «составитель» данного текста, или какая-то иная категория, творческая роль которой была ограничена, или вовсе не проявлялась. Все это в полной мере относилось к историку как к создателю исторического текста. В тексте исторического труда в этой связи могли находиться только черты того интертекста, который сложился в более ранних произведениях исторической мысли. Из автора исторического текста историк, таким образом, превращался в составителя или в конструктора произведения, блоки которого в виде идей, образов, сюжетов и даже отчасти вербальных конструкций появились ранее.

Совершенно очевидно, что взгляд О.М. Медушевой на историю как на научную дисциплину в полной мере восстанавливал представление о наличии в труде историка творческого начала, а о нем самом – как о полноценном авторе. Очевидно это также потому, что сама постановка Ольгой Михайловной проблемы когнитивной истории позволяет аргументированно и решительно опровергнуть идею воспроизведения в своем труде позднейшим историком интертекста, сложившегося в исторической мысли прошлого. В самом деле, когнитивная история выглядит как продолжение и развитие магистральной линии исторической науки новейшего времени, но вовсе не как воспроизведение идей и мыслей, сложившихся на более ранних стадиях развития историографии. Таким образом, историография более раннего времени выступает для историка не как интертекст, но как основание для научной дискус-

---

² Интервью О.Б. Вайнштейн с Ж.Деррида... С. 74.

³ Данилевский. 2004. С. 58-59.

сии и для выдвижения новых идей, относящихся в том числе к пониманию самой исторической науки.

Возникновение такой дискуссии в философской и исторической мысли последней четверти XIX – начала XX в. имело исключительно сложный и многоаспектный характер. Один из наиболее серьезных аспектов оказался связан с неудовлетворенностью историков тем, что в центре научного исторического познания на месте человека оказывались феномены надындивидуальной реальности, или, по характеристике М. Вебера, идеальные типы наподобие феодализма и капитализма, государства и властных структур⁴. Постановка человека в центр внимания историка отвечала потребностям исторической науки. Она, кроме того, соответствовала гуманистическим тенденциям в развитии культуры новейшего времени. Она, к тому же, выдвигала вопрос о том, как человек ориентировался в окружающем мире и определял свое место в нем и место того сообщества, к которому он принадлежал.

Подобная проблема ставилась основоположниками двух крупных направлений исторической мысли второй четверти XX в. – школы *Анналов* и интеллектуальной истории. Первая из них поставила в центр своего внимания проявления коллективного бессознательного и выработала понятие о ментальности человека и общества⁵ как прямого продукта его долговременного исторического развития. Но поскольку в основе личности и ее культуры лежали не только бессознательные, чувственные, но и сознательные, рациональные и интеллектуальные начала, то оказалось неизбежным появление проблемы интеллектуальной деятельности человека и человечества и ее общественно-исторического значения⁶. Так сформировалась интеллектуальная история. В ней уделялось внимание одной из сторон интеллектуальной жизни общества, которая проявлялась в жизни отдельных идей в разных культурно-исторических ситуациях. В результате историческое познание было не только приближено к человеку в обществе, но и ставило его в качестве главного объекта исторического познания. Основатели школы *Анналов* и интеллектуальной истории сделали попытку отстоять историю, ее рационально-интеллектуальную и гуманистическую составляющую как основу европейской культуры нового времени. Это была весьма аргументированная и успешная попытка противостояния тенденциям к отказу от культурной традиции, от историзма, рационализма

---

⁴ См.: *Неусыхин*. 1994. С. 641-642.

⁵ См.: *Гуревич*. 1993. С. 60-61.

⁶ См.: *Феллер*. 2005.

и интеллектуализма, к распространению иррационализма и мистицизма, имевшему место в идеологии распространявшихся в Европе тоталитарных режимов. Это составляло вклад выдающихся представителей европейской исторической мысли второй четверти XX в. в защиту рационалистических и гуманистических основ европейской цивилизации нового времени, сложившихся еще в эпохи Возрождения и Просвещения.

Когнитивная история О.М. Медушевской означала не только (наряду с новой интеллектуальной историей с ее соединением, в рамках объектах своего исследования, «сознательного и бессознательного»⁷) дальнейшее развитие теоретических и методологических идей, заложенных в исторической мысли первой половины прошлого века. Она, кроме того, также явилась ответом на вызов исторической науке, который шел с последней четверти XX в. со стороны культуры постмодернизма. Как и выдающиеся историки и мыслители школы Анналов, О.М. Медушевская решительно отстаивала научный статус истории и возможность с опорой на нее осуществлять познание прошлого человечества. Что касается самой когнитивной истории, то она видится прямым продолжением и развитием интеллектуальной истории, поскольку история идей и их распространения в новых культурно-исторических эпохах с неизбежностью ставили вопрос о том, на основании каких черт и особенностей мыслительной деятельности людей сформировались эти идеи. Когнитивная история проникнута историзмом, в связи с тем, что основана она на идее историчности мышления. Отсюда процесс мышления как важнейшая отличительная особенность человека, как основа культуры выступает исключительно значимым предметом научного исторического познания, которое ведется в рамках когнитивной истории как особой и самостоятельной исторической дисциплины.

Возможно, что появление и обоснование самой идеи когнитивной истории как специального направления научного исторического исследования открывает новые пути для понимания того, как с мышлением человека были связаны разные стороны деятельности общества и отдельных его представителей. Тем самым историк получает возможность раскрыть мыслительные основания исторических явлений и процессов, действий культурно-исторических сообществ, поступков и решений отдельных людей. Более того, как представляется, когнитивная история позволяет дать аргументированную критику просветительского разделения исторических эпох на те, в основе которых лежало рациональное начало и на другие, в которых рациональное начало не прослеживается.

---

⁷ Абатуров. 2007. С.51.

К первым традиционно относили античный мир и новую западноевропейскую историю, ко вторым – Древний Восток, европейское средневековье и историю неевропейских сообществ и государств нового времени. То же относится к разным событиям и явлениям в европейском мире, в которых прослеживается самое активное воздействие коллективного бессознательного, при слабо выраженной способности их участников к рациональным действиям. С позиций когнитивной истории возможно, между тем, уяснить, что дело не в отсутствии или в недостатке рациональных или мыслительных основ, но в особенностях мышления определенных сообществ и его структуры. Благодаря когнитивной истории появляется возможность установить и обосновать связь между конкретными проявлениями коллективного бессознательного в истории и системой мышления общества, в действиях которого находили подобные проявления. Дело вовсе не в отсутствии когнитивного, мыслительного, рационального начала в таких сообществах, но в исключительном своеобразии рационализма составлявших его людей.

Также в этой связи появление когнитивной истории означало дальнейший и очень большой шаг в сторону гуманизации исторической науки, придание ей профилирующего признака гуманитарной дисциплины. История вместе с тем едва ли укладывается в чисто гуманитарные рамки. Она является одновременно дисциплиной обществоведческого цикла, поскольку в центре ее внимания стоит не просто человек, но человек в обществе. То же самое относится в полной мере к когнитивной истории, так как сам процесс мышления определяется и порождается общественным статусом человека, местом его в окружении не только природном, но и социокультурном. Укрепляя свой гуманитарный характер, когнитивная история вместе с тем сохранила характерный для истории статус общественной науки, который укрепился во второй половине XIX в. на базе философии истории позитивизма, когда историки уделяли самое значительное внимание социальным явлениям и процессам. Совершенно очевидно, что когнитивная история может обеспечить более глубокое понимание таких явлений и процессов в истории, чем при недостаточном внимании к их мыслительным основам, при построении объяснительной модели, на основе анализа только экономических, социальных и политических составляющих их структуры.

Вместе с тем идея когнитивной истории требовала уточнения понятия о человеке как о движущей силе процесса мышления и ее итога в виде интеллектуального продукта. Как представляется, О.М. Медушевской удалось внести новые элементы в характеристику человека как важнейшей, традиционной и дискуссионной философской категории.

Основная качественная характеристика человека виделась ей в способности к целенаправленному и осознанному созданию продукта, со структурой, предназначенной для выполнения определенных функций. Из этого вытекали, как подчеркивала она, два следствия. Одно из них заключалось в том, что этот продукт являлся результатом мысли человека, его интеллектуальных усилий. Второе состояло в том, что этот продукт принимал материальную форму, делавшую его способным к распространению, к оказанию воздействия на современное общество и его культуру, к сохранению в культуре последующих поколений.

Несомненно, что под одним из таких интеллектуальных продуктов, причем наиболее сложных, О.М. Медушевская имела в виду научное историческое познание, имевшее своим результатом письменные формы выражения научной исторической мысли. Ею были при этом выделены некоторые новые характеристики исторического исследования. Среди них обращает на себя внимание положение о необходимости в ходе научного исторического познания стремления к уяснению «общих закономерностей»⁸, что принципиально отличало познавательную ситуацию наших дней от ситуации рубежа XIX–XX вв., в которой сложилось четкое разделение на номотетические и идиографические дисциплины, с сомнением в самой возможности законоустанавливающей направленности исторического исследования. С этим обстоятельством она связывала опору современного научного познания на междисциплинарные исследования и на установление междисциплинарного диалога. В самом деле, когнитивная история как история мышления в очень большой степени открыта для конструктивного диалога с естествознанием. Это не случайно, поскольку между мышлением человека и его психологией имеется самая тесная связь, а психология представляет собой естественнонаучную дисциплину. О.М. Медушевская, следовательно, справедливо обратила внимание на такую сторону исторического познания, которая обеспечивает принципиальное сближение истории с дисциплинами естественнонаучного цикла. Мысль эта восходит к позитивизму, но выражена она Ольгой Михайловной на основе новейшего научного гуманитарного знания. И если в философии истории начала XX в. господствовала мысль о невозможности для историка обеспечить наблюдение объекта своего познания, то в наше время постепенно утверждается мысль о том, что история, по выражению О.М. Медушевской – также «наука наблюдения»⁹. В качестве объекта такого наблюде-

---

⁸ Медушевская. 2008. С. 294.

⁹ Там же. С. 296.

ния, подчеркивала Медушевская, выступает источник. Методом является источниковедческое исследование, а теоретической основой – положение когнитивной истории об источнике как о реализованном и доступном для последующего анализа продукте мышления и о возможности гуманитарного вообще и исторического, в частности, знания как знания не только научного, но и точного.

При этом когнитивная история обеспечивает изучение закономерностей процесса мышления в его историческом развитии и дает возможность понять ход мысли автора источника и той культурной среды, где он был создан. В этой связи особенностью исторического образования нашего времени О.М. Медушевская видела не просто трансляцию исторического знания, характерную для традиционного исторического образования, но подготовку историка, способного воспринять комплекс знаний и исследовательских методов смежных дисциплин и способного вести историческое исследование с опорой на междисциплинарные методы. Образец такого подхода к подготовке исследователя, историка и источниковеда, она предложила в первой, теоретической части вышедшего в свет в РГГУ в 1998 г. учебного пособия по источниковедению отечественной истории¹⁰ На основании положений, содержащихся в этой главе, формировался взгляд на источниковедение и источник уже у целого поколения современных исследователей. Это поколение может с полным правом считать Ольгу Михайловну в числе своих учителей.

Согласно О.М. Медушевской, одним из наиболее существенных элементов в подготовке историка-исследователя является глубокое знание истории исторической науки и понимание процессов ее развития. Это позволит начинающему исследователю найти свое место в исторически сложившемся профессиональном сообществе, усвоить не только необходимые профессиональные навыки, но и воспринять традиции этого сообщества. В этой связи, во-первых, приобретает значительную актуальность подготовка исследований, направленных на познание жизненного и творческого пути историка, трудов на тему, удачно названной А.Я. Гуревичем «Историей историка». Во-вторых, в таких «Историях» должна получить органичное сочетание «история идей» и «история людей», или проследившись связь между историей формирования личности историка и вехами его жизненного пути, с одной стороны, и с другой – его идеями, получавшими материальное воплощение в монографиях, статьях и в другой создававшейся им научной продукции.

---

¹⁰ Источниковедение. История. Теория. Метод... 1988.

Для изучения поколения отечественных историков, к которому принадлежала Ольга Михайловна, такая работа по существу только начинается. Она позволит представить культурную и интеллектуальную обстановку, в которой сложилась творческая личность автора «Когнитивной истории». И, конечно же, относится это также к созданию научной биографии самой О.М. Медушевской. Биография этого выдающегося историка должна представить одну из наиболее интересных страниц исторической науки в нашей стране, а также российской культуры в целом во второй половине прошлого и в начале нынешнего столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абатуров И.Н.* «Новая интеллектуальная история» в изучении сферы сознания: постановка проблемы // Единство гуманитарного знания: новый синтез. Материалы междунар. науч. конф. Москва, 25-27 ноября 2007 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. РГГУ, Ист.-арх. ин-т, каф. Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2007. С. 50-52.
- Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.
- Интервью О.Б. Вайнштейн с Жаком Деррида // Мировое древо / Arbor Mundi. М.: РГГУ, ИВГИ, 1992. № 1. С.73-80.
- Источниковедение. История. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Неусыхин А.И.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 641-642.
- Феллер В.* Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М. : КноРус, 2005. 359 с.
- Мининков Николай Александрович* – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета; mininkov@aanet.ru